

Неюбилейное: к 132-летию гения и «ассенизатора»

Андрей Россомахин
От составителя

DOI: 10.53953/08696365_2025_195_5_96

Andrey Rossomakhin
From the Guest Editor

Владимир Маяковский (1893–1930) — важнейший актер 1910–1920-х годов. Его имя известно всему миру и еще при жизни стало мифом. Его невероятная продуктивность вышла далеко за рамки поэзии и словесности — ведь поэт является также деятелем театра, кино, цирка и эстрадных подмостков; он один из ключевых художников, публицистов, сатириков и культуртрегеров эпохи.

Волею истории Маяковский оставался знаковой фигурой в течение всего советского времени, растиражированный в миллиардах изображений, тысячах памятников, бюстов, барельефов, сотнях миллионов книг и бесчисленном количестве цитат. За последующие после смерти Маяковского шесть десятилетий тиражи его книг в СССР сильно превышали тиражи даже Маркса и Энгельса (и, конечно, всех прочих литераторов, отставая лишь от тиражей Максима Горького и Алексея Толстого). Если же соотнести совокупный тираж его книг со всем периодом советской истории (1918–1991), то в среднем в СССР **ежедневно** печаталось около 7000 экземпляров книг Маяковского (!)¹.

«Величайший поэт современности», «глашатай Революции», «солнце советской поэзии», «гениальный трибун», «великий патриот», «родоначальник

1 Наш подсчет сделан с небольшой экстраполяцией, поскольку данные о тиражах Маяковского за последние четыре года советской эпохи (с 1988 по 1991) у нас неполные. За основу мы взяли статистику Всесоюзной книжной палаты, подготовленную к 70-летию Революции (то есть по состоянию на 1987 год): за неполный советский период 1918–1986 годов книги Маяковского были изданы 1319 раз общим тиражом более 171 миллиона экземпляров. Наш подсчет показывает, что если все эти миллионы книг поставить вертикально друг на друга, то они достанут до Луны. Подробнее см. статистические таблицы в сборнике: Книгоиздание СССР: Цифры и факты. М.: Книга, 1987.

советской поэзии», «непревзойденный мастер», «знаменосец советской литературы», «любимейший поэт молодежи», «пламенный певец Революции» — вот лишь немногие из официальных характеристик, ставших каноничными с декабря 1935 года, после знаменитой сталинской резолюции о «лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи».

К концу советский эпохи Маяковский был переведен практически на все языки. Став персонажем беспрецедентного культа, апроприированный государством и приспособленный идеологией под свои нужды, он окончательно «забронзовел» и выродился в навязчивый официозный анахронизм (деля вершину советского литпантеона лишь с Максимом Горьким). Но затем весы истории сдвинулись в обратную сторону, — и уже в наши дни, последние 20–25 лет, наблюдается настоящий ренессанс в исследованиях Маяковского². Многие тексты оказались словно впервые прочитанными — появляются новые интерпретации, вызывающие подчас искреннее изумление публики, привыкшей к совсем иным формулам и трактовкам. Огромное наследие Маяковского осмысливается через призму разнообразных концепций (экспрессионистической, мифопоэтической, экзистенциальной, космической, религиозной и др.). Одиннадцать лет назад в Институте мировой литературы стартовало новое 20-томное академическое «Полное собрание произведений», где в комментариях каждое произведение впервые сопровождается реальным литературным, политическим и историко-биографическим контекстом (на сегодняшний день издано пять томов, еще один том сдан в печать). Параллельно с этим совершенно новым витком его рецепции, поэт прочно удерживает статус модной и даже «брендовой» фигуры в массовой культуре.

Как емко сформулировано авторами одного из новейших исследований, судьба Маяковского оказалась уникальной: «Маяковскому выпало не просто вернуться к читателю, но в буквальном смысле воскреснуть из мертвых. Творчество, столь тесно связанное с исторически обреченной государственной системой, фактически присвоенное советскими идеологами, искусственно разъятое на лозунги и навязанное в этом качестве “массам”, при кардинальном изменении ситуации заново привлекло внимание к поэту живому, а не мумии. <...> Идеологическая модель, согласно которой Маяковский якобы прошел путь от “революционного футуризма” до “социалистического реализма”, — была мертворожденной и потому неизбежно пала под напором фактов. Модернистский и авангардистский контекст индивидуальных творческих поисков был восстановлен»³.

Итак, после недолгого забвения на исходе прошлого века, мы наблюдаем серьезнейший всплеск исследований творчества Маяковского — поэта, художника, акциониста, публициста — вышедших на качественно новый этап. Зияющие пробелы в его биографии, библиографии, иконографии и рецепции начинают активно заполняться уже в новом веке.

2 Подробнее см.: *Россомахин А.А. Ренессанс Маяковского: 50 важных книг о Маяковском в XXI веке* (Библиографический навигатор). СПб.: Центральная городская публичная библиотека имени В.В. Маяковского, 2023.

3 *Большухин Л., Александрова М. Лирический герой Маяковского: феномен «незавершенности»*. М.: Издательский дом ВШЭ, 2022. С. 5–6.

В данном блоке статей приняли участие девять исследователей из четырех стран (России, Германии, Сербии, США); публикация подготовлена к 132-летию В.В. Маяковского. Тематический диапазон блока охватывает хронологию от раннесоветских лет (военный коммунизм, период НЭПа), затем вплоть до 1930 года и далее.

Авторы этих исследований рассматривают произведения Маяковского на фоне эпохи и творчества ряда его современников (статьи **Валерия Отяковского** и **Оксаны Булгаковой**), либо наоборот — угол зрения сосредоточен на апроприации элементов поэтики Маяковского его младшими современниками, совершенно забытыми ныне поэтами (статьи **Леонида Большухина**, **Любови Барышниковой** и **Оксаны Замятиной**). Кроме того, впервые вводятся в оборот два поэтических пасквиля и три десятка записок 1927 года, с убийственными издевками в адрес поэта, — полученных им от представителей «народных масс», что способно скорректировать общепринятые представления о неизменном успехе Маяковского у публики (публикация и комментарий **Людмилы Ларионовой** и **Андрея Россомахина**). Далее, в статье **Любови Хачатурян** анализируется структура рабочих тетрадей Алексея Кручёных — на примере поэтапного создания реквиема Маяковскому и собственной автоэпитафии (апрель-июнь 1930 года). Расшифрованные записи рабочей тетради сопоставляются с текстами Маяковского и рабочими тетрадями Велимира Хлебникова. В последней статье блока **Василиса Шливар** выявляет влияние ранней поэзии Маяковского на прозу Владимира Казакова (1938–1988), яркого представителя андеграунда и продолжателя авангардистских традиций в позднем СССР.

Статьи данного блока объединены в два раздела: «Маяковский: от пафоса к девальвации» и «В тени Маяковского». В составе статей второго раздела ряд впервые публикуемых поэтических произведений Георгия Ечистова и Алексея Кручёных, а также републикации нескольких забытых произведений 1920-х годов: Сергея Малашкина, Степана Щипачева и Льва Гольдёнова.

Тексты Маяковского, кроме оговоренных случаев, цитируются по советскому академическому 13-томнику (*Маяковский В.В. Полное собрание сочинений*: В 13 т. М.: ГИХЛ; Художественная литература, 1955–1961), с указанием в скобках номера тома и страницы.

Библиография / References

Книгоиздание СССР: Цифры и факты. М.: Книга, 1987.
(Knigoizdanie SSSR: Tsifry i fakty. Moscow, 1987.)
Росомахин А.А. Ренессанс Маяковского: 50 важных книг о Маяковском в XXI веке (Библиографический навигатор). СПб.: Центральная городская публичная библиотека имени В. В. Маяковского, 2023.
(Rossomakhin A.A. Renaissance Mayakovskogo: 50 vazhnykh knig o Mayakovskom v XXI veke

(Bibliograficheskii navigator). Saint-Petersburg, 2023.)

Большухин Л., Александрова М. Лирический герой Маяковского: феномен «незавершенности». М.: Издательский дом ВШЭ, 2022.

(Bol'shukhin L., Aleksandrova M. Liricheskii geroi Mayakovskogo: fenomen «nezavershennosti». Moscow, 2022.)